

М.В. Бречкевич

**Введение в социальную
историю княжества Славии
или Западного Поморья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.В. Бречкевич**
Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья
/ М.В. Бречкевич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 270 с.

ISBN 978-5-458-40697-0

ISBN 978-5-458-40697-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Территорія княжества Славїи, или Западнаго Поморья, въ XII—XIII в. простиралась главнымъ образомъ на востокъ отъ нижняго теченія рѣки Одера и отчасти на западъ (главный городъ Stetyn). Это княжество обозначалось тогда двумя именами, одинаково неопредѣленными: Поморье (Pomerania) и Славїя (Slavia). Первое имя прилагалось также и къ другому княжеству, независимому отъ перваго; территорія этого втораго княжества находилась на западъ отъ нижняго теченія Вислы (главный городъ Gdanzc). Словомъ Slavia обозначалось еще одно княжество, которое находилось на западѣ отъ княжества, расположеннаго по обоимъ берегамъ Одера. Соответственно тогдашнему обозначенію княжествъ, и обозначеніе ихъ въ исторической литературѣ не вполне послѣдовательно. Ф. Дуда указываетъ на разнорѣчія и трудности современныхъ названій и предлагаетъ называть Поморье, находившееся ближе къ рѣкѣ Одеру „Поморьемъ славянскимъ“, а Поморье привислинское — „Поморьемъ польскимъ“ (Franciszek Duda, *Rozwój terytoryalny Pomorza polskiego, wiek XI—XIII, W Krakowie, 1909, Rozdział I, Granice polityczne Pomorza polskiego*, стр. 19—26). Однако первое названіе могло бы внушать мысль о томъ, что Поморье привислинское не было славянскимъ; а второе названіе не годится для привислинскаго поморскаго княжества въ XIII в., потому что это княжество не зависѣло тогда ни отъ Польши ни отъ какого-либо иного государства. Въ настоящемъ изслѣдованіи Поморье на берегахъ Одера обозначается, какъ

Западное Поморье, или просто Поморье (соответственно терминологии источниковъ), когда по ходу изложенія виденъ смыслъ этого названія.

Въ качествѣ хронологическихъ рамокъ настоящаго изслѣдованія принять періодъ въ 150 лѣтъ по принятіи христіанства. За это время Западное Поморье вступило на новый путь культурнаго и политическаго развитія, который окончательно опредѣлился къ концу княженія Барнима I († 1278 г.).

Источники, легшіе въ основу настоящей работы, всѣ опубликованы въ печати. Однако я счелъ не лишнимъ приводить изъ нихъ довольно обширныя выписки; при этомъ ставилась цѣль — облегчить возможность провѣрки высказываемаго мнѣнія, когда оно расходится съ принятыми въ исторической литературѣ взглядами.

Выпуская въ свѣтъ эту работу, я считаю своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность проф. А. Н. Ясинскому, подъ руководствомъ котораго мои занятія впервые начали сосредоточиваться на исторіи славянъ. Приношу искреннюю благодарность и проф. Θ. Θ. Зигелю, который любезно дѣлился со мною своими обширными свѣдѣніями въ исторіи славянскаго права.

М. Бречкевичъ.

Отдѣлъ первый.

Обзоръ источниковъ и исторической
литературы.

ГЛАВА I.

Источники социальной истории.

Самым важным источником для изучения внутренних отношений в княжествах Славян, или Западном Поморье, являются грамоты. В Поморье грамоты впервые стали изготовляться со второй половины XII в.; изготовлялись они духовными лицами и в начале исключительно — в интересах церковных учреждений. Выдавались грамоты от имени князей, епископов, рже и позже — от имени монастырей, капитулов, городов, святских лиц.

Известно, что грамоты, как исторический источник, имеют весьма важные преимущества по сравнению с другими родами источников. Составитель хроники или анналов часто стоит в стороне от излагаемых им событий, готов сообщать слухи и предания; связь, в которой он излагает события, искусственна, а истолкование или освящение событий нередко бывает односторонним или даже пристрастным.

Грамоты не знают никакой связи между событиями. Каждая из них дает цельное и самостоятельное, хотя и очень коротенькое известие. Грамота обыкновенно точно приурочена к определенному моменту — указанному ею году, часто — месяцу и дню; в этот момент действительно происходил упоминаемый ею факт или акт — договор, дарение, покупка, мѣна, и т. п. Самое ценное качество грамоты состоит в том, что она соответствует действительности. В реальности содержания грамоты трудно усомниться: эта реальность засвидетельствована современниками и участниками акта; о ней говорит выдаватель грамоты и ряд свидетелей, в грамоте указывается место и время акта.

В отличие от хроники грамота самым тѣсным образом связана с действительностью; она сама есть эта действительность,

или опредѣленный моментъ въ социальномъ, экономическомъ или политическомъ развитіи данной страны. Грамота не только отражаетъ жизнь; она ее и направляетъ или старается измѣнить; въ этомъ ея достоинство и недостатокъ. Достоинство, — потому что грамота и есть одно изъ звеньевъ эволюціи. Недостатокъ, — потому что грамота говоритъ больше о томъ, что рѣшено, и мало говоритъ о томъ, что произошло; она свидѣтельствуетъ не столько о томъ, какъ само собою сложились отношенія, сколько о томъ, какія измѣненія она собирается ввести; вѣдь и возникаетъ грамота оттого, что заинтересованные въ актѣ опасаются, какъ бы жизнь не стала развиваться иначе, наперекоръ идеѣ грамоты. Притомъ же грамотѣ не всегда удастся подчинить себѣ дѣйствительность; хотя и рѣдко, но дѣйствительность иногда высвобождается, а то и вовсе игнорируетъ актовыя нормы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительность вполне соответствуетъ грамотамъ, онѣ все-таки недостаточны въ качествѣ историческаго источника. Ихъ надо считать недостаточными потому, что многія явленія общественной жизни совсѣмъ не попадали въ грамоты, сколько бы грамотъ ни составлялось. Съ другой стороны и затронутыя явленія нѣсколько затемнялись въ грамотахъ. Оба эти неудобства (съ точки зрѣнія историческаго изслѣдованія) зависятъ отчасти отъ типа и языка грамоты и отчасти отъ качествъ самихъ заготовителей грамотъ — нотаріевъ и писцовъ.

Типъ грамоты съ ея обычными составными частями (*invocatio*, *intitulatio*, и т. д.) отводитъ много мѣста шаблоннымъ фразамъ и тѣмъ самымъ суживаетъ рамки фактическаго содержанія. Поморскія грамоты однообразны, официальны и холодны — въ смыслѣ отсутствія оцѣнки событій и явной неохоты вдаваться въ подробности. Однообразіе сказывается не только въ томъ, что въ надлежащихъ частяхъ грамоты призывается имя Божіе, привѣтствуется публика, произносится угроза нарушителямъ, и т. д.; это — обычные свойства западно-европейской грамоты вообще. Поморскія грамоты, помимо этого, чрезвычайно однообразны и по своему содержанию: главная мысль и главный фактъ подавляющаго большинства поморскихъ грамотъ (въ теченіе почти цѣлаго столѣтія) заключается въ томъ, что князь дѣлаетъ церкви пожертвованіе; въ этомъ ихъ особенность по сравненію съ совокупностію грамотъ всякаго сосѣдняго съ Поморьемъ государства, хотя жалованныхъ грамотъ для церкви повсюду имѣется немало.

Грамоты официальны, потому что онѣ, стремясь провести въ

жизнь свои рѣшенія, обращаются къ возможно большому кругу лицъ. Понятно, что предъ массою своихъ будущихъ читателей грамота должна была принять и приняла приличный, безукоризненный, даже праздничный нарядъ; все въ ней, не исключая по возможности и главной части (съ фактическимъ содержаніемъ) пропитано религіознымъ и нравственнымъ духомъ. Въ приложеніи къ повѣствовательнымъ историческимъ источникамъ было высказано положеніе, что эти источники передаютъ собственно не самый фактъ, а лишь впечатлѣніе, произведенное на повѣствователя (Ранке). И по отношенію къ грамотѣ играетъ роль впечатлѣніе, но нѣсколько другого рода. Авторъ какой-нибудь хроники и очевидецъ событія находится весь во власти своего собственнаго впечатлѣнія; составители грамотъ всецѣло озабочены тѣмъ, чтобы произвести наилучшее и наиболѣе дѣйственное впечатлѣніе на другихъ, — на „современниковъ и будущія поколѣнія“: когда всѣ убѣдятся, что актъ былъ безукоризненъ съ точки зрѣнія Божескихъ законовъ и человѣческихъ установленій, то этимъ обезпечена будетъ его нерушимость. Впечатлѣніе повѣствователя бываетъ причиною субъективности и часто — многословія въ изложеніи; впечатлѣніе, о которомъ заботится грамота, и которое руководить ею, требуетъ благоприличія; составитель грамоты нѣсколько подтягивается, слогу и разсужденіямъ грамоты сообщается приподнятость. Главное же, грамота дѣлается скупою по содержанію, отстраняясь отъ всего, кромѣ голаго акта. Она знаетъ только свое дареніе, или договоръ; а событія чрезвычайной важности (не говоря о бытовыхъ явленіяхъ), даже если они находятся въ непосредственной причинной связи съ актомъ, въ грамотѣ не упоминаются ¹⁾.

Съ точки зрѣнія фактичности извѣстій во всякой грамотѣ историкъ можетъ различить двѣ части. Одна часть даетъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ актѣ, его сущности, времени и мѣстѣ совершенія, заинтересованныхъ лицахъ, свидѣтеляхъ, и т. д. Другая часть состоитъ изъ призванія Божьяго имени, привѣтствія, сентенцій, и т. п.; эта часть не вытекала изъ существа даннаго акта, не связана была съ нимъ органически; напротивъ, она могла быть приложена въ томъ же самомъ видѣ ко всякому дру-

1) Ср., напр., знаменитый въ исторіи Поморья Кремменскій договоръ 1236 г. (Codex Pomeraniae Diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, Greifswald, 1843, № 241, p. 525—526).

тому акту, что нерѣдко и происходило. Обѣ эти части грамоты, и фактическая и шаблонная, не всегда были разграничены одна от другой; часто онѣ взаимно перемѣшивались.

Въ поморскихъ грамотахъ есть и такіе элементы, которые занимаютъ среднее положеніе между фактическою и шаблонною частями. Это — перечисленіе „принадлежностей“, или угодій какого - либо отчуждаемаго имѣнія, а также — аренги. Господствующее среди историковъ мнѣніе относитъ ихъ всецѣло къ шаблонной части; за этими элементами не признается никакой цѣнности въ качествѣ историческаго источника. Дѣйствительно, ни „принадлежностей“, ни въ особенности аренги нельзя ставить наравнѣ съ фактическою частью грамоты. Но кое - какія указанія для пониманія внутренней исторіи даютъ и аренги и еще больше — перечисленія „принадлежностей“.

Въ послѣдующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія будетъ на дѣлѣ показано, какія данныя можно извлечь изъ „принадлежностей“ (для уясненія сущности отчужденія деревни) и аренги (для характеристики міросозерцанія, которое съ успѣхомъ прививали князю духовныя лица). Здѣсь уместно отмѣтить только слѣдующее.

Перечисленіе принадлежностей отчуждаемаго имѣнія¹⁾ производитъ впечатлѣніе неопредѣленности и беспорядочности: упоминаніе объ однихъ принадлежностяхъ представляется совершенно излишнимъ, другія принадлежности, наоборотъ, почему - то пропущены. Принадлежности называются одна за другой въ случайной послѣдовательности, какъ бы ощупью; иногда одна принадлежность съ трудомъ можетъ быть отличена отъ другой (*ingressus et egressus*), изрѣдка заносятся въ списокъ и такія, которыя въ данный моментъ еще не обнаружены, но могутъ быть открыты впоследствии (*aurifodine, ferrifodine*). При всемъ томъ, въ поморскихъ грамотахъ не удается открыть такого перечисленія принадлежностей, которое расходилось бы съ дѣйствительностію или производилось бы наобумъ. Всякое перечисленіе, хотя бы и самое торопливое и беспорядочное, все - таки соотвѣтствуетъ существу отчуждаемой недвижимости; не можетъ быть, напр., никакого сомнѣнія въ томъ, что деревнѣ принадлежали „обработанныя поля, пастбища, дороги, входы и выходы“, и т. д.; и когда отчуждается не деревня, а

1) Напр.: *villa Carwou cum pascuis, syluis, pratis, riuis, paludibus, uisugiis, nemoribus, cultis et incultis, etc.*

имѣніе (въ тѣсномъ смыслѣ слова), то и принадлежности видоизмѣняются, „обработанныя поля“ большею частію исчезаютъ изъ списка принадлежностей¹⁾; пустошь имѣть свойственныя ей принадлежности, и т. д. Вслѣдствіе такой осмотрительности грамоты къ называемымъ ею принадлежностямъ перечисленія ихъ не лишены цѣнности для историка, вопреки категорическому утвержденію Салиса²⁾.

Если же грамота упоминаетъ о рудникахъ золотыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ, то изъ нея же видно, что она имѣетъ въ виду не настоящее, а будущее.³⁾ Грамота заблаговременно, на случай открытія рудниковъ, старается упорядочить право пользованія ими. Такая предусмотрительность грамоты опять-таки не обезцѣниваетъ того, что говорится въ грамотѣ о принадлежностяхъ имѣній; напротивъ, изъ нея видно, что грамота стремится къ точности и устраненію всякихъ недоразумѣній.

Правда, перечень принадлежностей часто поражаетъ своею разбросанностію, нѣкоторыя выраженія тавтологичны; и если бы пришлось судить о составныхъ частяхъ имѣнія по одной какой-либо грамотѣ, внѣ всякаго сопоставленія съ другими, то заключенія не были бы убѣдительны. Только сравненіе соотвѣствующихъ мѣстъ во всѣхъ поморскихъ грамотахъ даетъ опредѣленные и доказанные выводы въ исторіи землевладѣнія и общества; благодаря такому сравненію, историку облегчается отвѣтъ на такіе, напр., вопросы: какія составныя части недвижимости были наиболѣе цѣнны въ то время и желательны для землевладѣльца? Что можно было разсматривать, какъ составную часть имѣнія и чего нельзя? Что было для землевладѣльца особенно желательнымъ элементомъ въ имѣніи?

1) Напр., въ грамотѣ Святобора, С. Р. Д., № 222, р. 488.

2) Fr. Salis: Untersuchungen zum pommerschen Urkundenwesen im 12 und 13 Jahrhundert. Baltische Studien, herausgeg. von der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Altertumskunde, Stettin, 1909. S. 145: Der Ausdruck der Bulle *cum omnibus eorum appendiciis* bzw. *pertinentiis* ist rein formelhaft. Er besagt über das Zubehör der Burg genau dasselbe wie die aus dem Reiche eindringende Formel *cum agris, silvis, pratis etc.*, nämlich nichts.

3) Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1249 г. (С. Р. Д., № 415, р. 865): *si plura molendina in Plona edificata fuerint et exstructa. seu in eisdem possessionibus aurifodine. argentifodine. ferrifodine. saline invente fuerint. vel reddituum aliorum generis cuiuscunque medietas nobis quamdiu vivimus pertinebit.*

Такимъ образомъ, въ цѣляхъ полноты и обоснованности суждений о внутренней исторіи Поморья изслѣдователю не слѣдуетъ пренебрегать перечисленіемъ принадлежностей отчуждаемыхъ имѣній.

Аренги, или сентенціи, предшествуютъ изложенію самого акта; онѣ представляются еще менѣе идущими къ дѣлу, чѣмъ перечисленіе принадлежностей имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, выдаватель грамоты говоритъ, напр., что надо цѣнить небесное и вѣчное выше земного и скоропреходящаго и что поэтому онъ дѣлаетъ пожертвованіе церкви; но мы не можемъ быть увѣрены, руководится ли вообще выдаватель грамоты высказанною имъ благочестивою мыслию. Только изученіе всѣхъ дѣйствій и характера выдавателя грамоты могли бы показать, насколько его заявленіе искренне. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса, въ сущности и не особенно важнаго для соціальной исторіи, производится такимъ образомъ и независимо отъ аренги.

Изученіе аренгъ поморскихъ князей позволяетъ, однако, сдѣлать нѣсколько иное наблюденіе. Съ точки зрѣнія аренгъ слѣдуетъ установить несомнѣнное различіе между двумя группами грамотъ: а., грамотами поморскихъ князей и б., грамотами, выданными въ Поморьѣ же, но не князьями, а другими лицами или учрежденіями: епископами, монастырями, городами, свѣтскими землевладѣльцами; къ этой же второй группѣ слѣдуетъ причислить и грамоты сосѣдей Поморья: Бранденбурга, Польши, Даніи, и т. д. И въ той и въ другой группѣ грамотъ аренга не говоритъ о конкретныхъ фактахъ. Но во всей массѣ грамотъ второй группы аренга короче, суше, шаблонъ, ея, такъ сказать, казенный характеръ проступаетъ рѣзче; сплошь и рядомъ она даже не есть какое-нибудь благочестивое разсужденіе, а — практическая мысль, напр., — о пользѣ записыванія сдѣлокъ; нерѣдко аренга и вовсе отсутствуетъ.

Въ первой группѣ грамотъ аренга составляетъ неперемѣнную составную часть. Она многословна, довольно тѣсно связана съ фактическимъ содержаніемъ грамоты, почти всегда варьируется соотвѣтственно акту, вся проникнута благочестивыми мыслями. Совокупность этихъ мыслей, которыя настойчиво развиваются и всячески подкрѣпляются, есть плодъ пастырской дѣятельности духовныхъ лицъ, окружавшихъ князя. Эти духовныя лица составляли князю грамоты и, помимо прочихъ сферъ и случаевъ воздѣйствія на князя, въ аренгахъ высказали основы морали, пред-